

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БОЕВЫЕ АСЫ НАРКОМА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Боевые асы наркома / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-175728-1

Лето 1943 года. В районе Курска готовится крупная стратегическая операция. Советской контрразведке становится известно, что в наших тылах к этому моменту тайно сформированы бандеровские отряды, которые в ближайшее время активизируют диверсионную работу, чтобы помешать действиям Красной армии. Группе Максима Шелестова поручено перейти линию фронта и принять меры к разобращению националистической среды. Операция внедрения разработана надежная, однако выживать в реальных боевых условиях каждому участнику группы придется самостоятельно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175728-1

© Тамоников А. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Летнее солнце повисло над лесом и будто зацепилось за пышные кроны. Оно никак не хотело заходить, заливая леса и поля золотом своего сияния. Природа затихла в преддверии теплого вечера, лишь на востоке слышалась канонада. Говорят, что страшные бои развернулись где-то под Курском. То ли Красная армия погнала фашистов, то ли фашисты снова ринулись к Москве. Никто толком ничего не знал. Здесь, под Харьковом, трудно было узнать правду. Немецкая пропаганда говорила, что советские войска вымотаны в обороне, что их наступательный пыл иссяк и вермахт вот-вот нанесет сокрушительный удар и «красные орды» покатаются на восток, бросая оружие и знамена. Оуновцы говорили разное, да и сама среда националистов была разношерстной. Кто-то из идейных борцов под крылом представителя Армии Краевой ратовал за новое украинское государство и вечную дружбу с фашистской Германией, которой скоро покорится весь мир,

кто-то более скромно и негромко поговаривал о том, что настоящая свобода возможна только без большевиков и гитлеровцев. А кому-то было все равно. Лишь бы было в руках оружие, лишь бы воля была и горилки побольше. И чтобы не мешали пускать кровь и жидам, и краснопузым, и ляхам, посягнувшим на украинскую свободу.

Андрей остановился, продолжая держать девушку за руку, и снова посмотрел на восток. Его пальцы непроизвольно сжали пальчики Оксаны. Девушка шагнула к Андрею и прижалась щекой к его плечу.

— Страшно, Андрийка, — тихо сказала Оксана. — И сейчас страшно, и потом будет страшно. Сколько горя выпало на долю простого народа, сколько всего еще пережить предстоит.

— Нет, любимая, — сурово сказал юноша. — Страшное скоро кончится. Придет Красная армия и выгонит фашистов с нашей земли. И снова будут звучать песни, снова будут развеиваться ленты в девичьих волосах, когда вы будете водить хороводы.

— О чем ты, Андрийка! — Девушка вскинула голову и посмотрела на любимого с тревогой: — Выгонят одних, а придут другие. И кто лучше? Все нам чужие: и фашисты, и москали! Снова будут насаждать свои красные идеи и грабить Украину.

— Ну, какие ты глупости повторяешь, Оксана, — засмеялся парень. — Никто нас не грабил и грабить не будет. Всегда была Россия, и всегда на этих землях народ жил вольготно и дружно. Те, кого ты москалями называешь, они ведь и Крым завоевали, и Харьков построили, и Одессу. И казаки вместе с русскими всегда сообща защищали эти земли от иноземцев. Не слушай ты своего отца и его дружков. Ерунду ведь говорят. Выпьют горилки и несут чушь.

— Не говори так о моем отце, — нахмурилась девушка. — Он за эту землю воевал, он в боях с петлюровцами был ранен, руки лишился.

— Ну, не буду, не буду, ласка моя! — улыбнулся юноша и прижал девушку к себе. — Все образуется, все равно настанет мир, и мы с тобой поженимся, и будет у нас с тобой хата. И я выучусь на тракториста и буду пахать землю, а ты с нашими детьми будешь мне приносить в поле обед. И будем мы все жить в мире...

Договорить юноша не успел. В лесу раздались один за другим три выстрела. Андрей схватил девушку и прижал к себе, с тревогой глядя на зеленую стену деревьев. И тут лесную тишь пререзал истошный, абсолютно нечеловеческий крик. Пронесся, пререзал воздух и затих, как будто захлебнулся. Оксана от ужаса вцепилась в руку

Андрея ногтями так, что вот-вот на коже выступит кровь. Но юноша будто и не замечал этого. Что это? Человек ли кричал или зверь? Немцев в округе не было, только в Харькове стоял гарнизон, да западнее города торопливо строились оборонительные позиции.

Андрей отошел с девушкой под большую зеленую березу. Он чувствовал, как Оксану бьет дрожь. А через минуту метрах в ста от них на опушку выскочили всадники на деревенских лошадях. Многие даже без седел. Их было человек двадцать, и от опушки они стали разъезжаться в разные стороны.

— Отец? — удивилась Оксана, вцепившись в руку юноши. — Это отец поскакал!

— Что же это было? — вслух произнес Андрей. — Вот что, любимая, ты посиди здесь и ничего не бойся. Только не уходи с опушки, не вставай в полный рост. А я сейчас вернусь.

— Куда ты? — Девушка продолжала держать руку Андрея.

— Я должен посмотреть, что там произошло, — заявил юноша. — Вдруг там беда, вдруг там нужна помощь.

— Нет, — заявила Оксана, — я не останусь. Пойду с тобой!

Сначала они шли напрямик, но потом Андрей сообразил, что проще будет идти той дорогой, по которой проскакали лошади. Там наверняка деревья пореже, а может, и тропа есть и не надо будет продираться через кустарник. А еще он интуитивно понимал, что крик и выстрелы связаны с присутствием в лесу отца Оксаны и других мужчин, которые недавно проскакали здесь.

И когда Андрей вывел девушку на тропу, то сразу увидел, что там примята трава так, будто по ней что-то тащили. В нескольких местах ему показалось, что он видит на траве и листьях кровь. Местами она была скрыта пылью, поднятой копытами лошадей, но иногда он хорошо различал темные капли. Андрей не стал говорить об этом Оксане, чтобы не пугать ее. А потом они почувствовали запах чего-то горелого. Этот запах был им знаком с самого начала войны. Им приходилось бывать на пожарищах, возле разбомбленных сгоревших эшелонов. За эти два года войны, за время оккупации, молодые люди видели столько трупов, что и не сосчитать. Видели в том числе и обгорелые трупы.

На полянке было сумрачно. Сюда мало проникало света от садившегося солнца. И запах лесной прелой сырости соединялся с удушливым запахом

горелой плоти. Оксана зажала рукой нос, но мужественно шла следом за Андреем. Юноша шел первым, глядя по сторонам, но, когда он увидел догоревший костер и человеческое тело, его едва не вырвало. Горло сдавил чудовищный спазм, в глазах на миг помутилось, но он стоял и смотрел, как будто хотел на всю жизнь запомнить эту отвратительную картину. Оксана вскрикнула и сразу же отвернулась.

— Не смотри на это! Не смотри! — зашептала она, и ее кулачки замолотили в спину Андрея.

А парень не отрываясь смотрел на тело зверски замученного человека. Это был красноармеец, в рваной форме, сквозь прорехи в которой виднелась окровавленная кожа. Он видел пулевые отверстия на бедрах и голених, засохшие потеки крови на одежде. Человеку простреливали ноги, пока он был жив. А потом бросили лицом в костер. Неужели это возможно, неужели можно до такой степени убить в себе все человеческое, чтобы поступать вот так? Можно желать всего, чего угодно: свободы, независимости, можно желать даже смерти врагам, чтобы очистить свою землю от тех, кого ты не хочешь на ней видеть... Но такие зверства? К чему, откуда такая потребность издеваться над людьми? Даже животные, хищники так не поступают. Люди вы или нет?

— И там был твой отец! — с болью, со страшной горечью прошептал Андрей, наконец, отвернувшись.

— Да, да, — замотала девушка головой. — Это страшно, это дико, но для военного времени, для времени, когда весь мир пошел друг на друга стеной, иного и быть не может. Их тоже можно понять, они ведь не за чужое, они за свое...

— За свое... Пусть за свое! — Андрей сжал лицо руками. — Пусть ты ненавидишь! Ну, убей, убивай, если есть такая потребность. Убивай в бою, убивай из-за угла, если в тебе не осталось чести! Но так-то вот зачем? Это уже не война, это... сатанизм какой-то!

— Не говори так! — со слезами на глазах отпрянула от юноши девушка и пылающим взором уставилась на него: — Это мой отец, эти люди... они... они...

— Что, Оксанка? — тихо спросил Андрей. — Что? Им плохо жилось при советской власти, их ущемляли, унижали, травили? Чего им не хватало? За что же вот так-то вот? Не понимаю...

Оксана подошла и прижалась к Андрею. Он чувствовал, как девушку сотрясает страшный озноб. И это не реакция тела или нервов. Он понимал, что его любимую раздирает внутренняя борьба. И она понимает, что есть грань между

войной, какой бы она ни была бесчеловечной по своей природе, и дикими зверствами, в которых не было ни военной, никакой другой осмысленной необходимости. Все их прошлые споры именно сейчас уперлись в необъяснимое, недоступное пониманию молодых людей явление. Да и их собственный жизненный опыт ничего не объяснял. Слишком глубока была грань между довоенным радостным, почти праздничным миром, который они помнили, и двумя годами ужаса, ада, смертей и горя.

Адъютант поставил на стол поднос с кофейником и чашками, закрыл высокое окно, задернув штору. Приказаний не последовало. Генерал Мариан Кукель сидел в кресле, с угрюмым видом вытирая лысину платком, как будто в здании царил ужасная жара. И не столько неустойчивая лондонская погода действовала на нервы польскому генералу, только недавно возглавившему вооруженные силы в изгнании, сколько сама ситуация в оккупированной Германией стране. Командовать армией, вести войну на поле боя — не то же самое, что вести войну в кабинете за тысячу километров от линии фронта. Тем более что друзья и союзники в любой момент могут оказаться соперниками и даже врагами, а вчерашний про-

тивник вдруг ринется в друзья и примется отчаянно помогать тебе. И кому верить, как верить? Как вообще принимать решения, когда ты не веришь ни единому слову собственного правительства. Проклятая политика! Спланировать и провести военную операцию легко, а вот спланировать и предсказать предпочтения и поступки политиков невозможно. Если только ты сам годами не варился в гуще европейской политики.

Полковник Януш Филипковский сидел напротив генерала в кресле. Он держался прямо, демонстрируя отменную выправку потомственного военного. На его лице нельзя было прочесть ни сомнений, ни отчаяния. Только холодный расчет и ожидание приказа, чтобы тут же приступить к действиям. Как, оказывается, можно завидовать своим подчиненным, которым чужды сомнения. Которых не касаются политические игры собственного правительства, союзников, таких как Британия, которая готова купить и предать любого из друзей, если это будет выгодно.

— Итак, полковник, вы полагаете, что Гитлер воспользуется такой возможностью и попытается дать ответ за катастрофу под Сталинградом?

— Точно так, пан генерал, — не задумываясь, ответил Филипковский. — Тут не может быть двух мнений. Слишком аппетитно выглядит этот

выступ в обороне русских. И слишком очевидна переброска немецких резервов в район Курска. Тем более все это является подтверждением той информации, которой вы со мной поделились.

— Гитлера там ждет провал, — убежденно сказал Кукель. — Большой провал. Генералы Сталина не дураки. Они уже не раз доказывали, что умеют воевать. Красная армия выдержала два года страшной войны. Мы с вами знаем, насколько она была ужасна для Советского Союза. Но они выстояли. А теперь наносят один за другим удары стратегического масштаба. Здесь речь идет не о тактическом выпрямлении линии фронта, полковник! Для обеих сторон, по обе стороны фронта это стратегическая операция.

— Вы убеждены, что немцы потерпят неудачу под Курском? — спросил Филипповский.

— Этого не знает никто, — отозвался генерал. — Обе стороны приложат максимум усилий, чтобы добиться своих целей. Но у нас есть своя цель — у Великой Польши есть своя цель даже в этой битве. Германия бросит в бой все резервы, она уже сейчас стянула под Курск практически все свои танковые армады. А если Советы разгромят танковые армии Гитлера?

— Как? — удивился полковник.

— Не знаю! — резко сказал Кукель. — Но нам нужно готовиться и к такому развитию событий. Если Красная армия разгромит здесь гитлеровцев и ринется на Запад, то у немцев не будет возможности за короткий срок восстановить численность танковых армий, им негде будет взять горючее для танков. Резервы Германии истощаются, резервы покоренной Европы истощаются, вот в чем проблема, Януш.

— Значит, нам надо готовиться к новой тактике борьбы?

— Именно! Мы не должны допустить, чтобы Советский Союз в короткие сроки вышел к границам Польши. Польшу должны освободить западные союзники, на территорию Польши не должны войти советские войска.

— Но у нас не хватит сил, чтобы противостоять Красной армии, даже войска Германии с нею не справляются.

— Правильно. И поэтому наша задача использовать не только все силы Армии Крайовой, но создать условия, в результате которых украинское националистическое движение активно включится в борьбу, ударит по тылам Красной армии. И тогда Советы будут вынуждены приостановить наступление на Запад и заниматься своими тылами.

Мариан Кукель хорошо знал планы польского правительства в Лондоне. Собственно, эти планы были планами не только Польши, но и планами Великобритании и США. И в соответствии с ними Армия Крайова до поры до времени не вела активных боевых действий. Ее задачей был сбор и накопление сил и ресурсов для будущего восстания в момент взаимного истощения сил СССР и Германии. И в 1942—1943 годах, в отличие от других патриотических движений в стране, Армия Крайова придерживалась стратегии отказа от партизанской борьбы. Удивительно, но получалось, что самая большая вражда, боевые стычки подразделений Армии Крайовой происходили не с немецкими частями, а со своими же поляками — бойцами Гвардии Людовой. Другой силой, активно поддерживающей народное движение, приветствующей Красную армию и активную борьбу с нацизмом в Европе. Польскому правительству в Лондоне, а точнее, самому Британскому правительству, не нужно было коммунистическое движение в Польше. После войны там не должно прийти к власти коммунистическое правительство, ориентирующееся на Советский Союз. Этого допустить было нельзя любой ценой, пусть и ценой жизни сотен тысяч поляков. И в

течение 1943 года в результате боевых столкновений было убито несколько видных командиров Гвардии Людовой.

Они встретились случайно. Сосновский увидел Машу Селиверстову, когда она выходила из парикмахерской, оправляя форменный ремень на гимнастерке и надевая, с явным сожалением, черный форменный армейский берет. Михаил остановился, любуясь спортивной фигурой девушки, которую не портила даже военная форма. Было что-то в этой спортсменке от мужской суровой силы. И не только физической, но и эмоциональной. И все же эта сила не могла скрыть то неистребимое женственное, грациозное, что в девушке изначально заложила матушка-природа.

Михаил стоял и любовался фигурой Марии, ее сильными стройными ножками, походкой. Он вспоминал ту операцию под Новороссийском, когда они искали секретную торпеду. Вспоминал минуты опасности и приятные минуты, проведенные с Машей. Нет, между ними ничего не было, кроме симпатии. Это было видно по ее глазам, по учащенному дыханию, по случайным прикосновениям рук. Наверное, так же глупо выглядел и сам Михаил в те минуты, когда подобным же образом выражал свою симпатию, но что делать,

природу не обманешь, и притяжение женщины вызывает ответное притяжение мужчины. Опомнившись, он согнал с лица блаженную улыбку и поспешил за девушкой. Догнав ее в самом конце улицы, Сосновский окликнул Селиверстову:

— Маша! Подожди!

Девушка обернулась на голос, и тут же на ее сосредоточенном серьезном лице вспыхнула солнышком улыбка. Эта улыбка была такой открытой и такой теплой, что и у Михаила стало тепло на душе. Обрадовалась, не забыла, вспоминала!

— Миша? — Брови девушки удивленно поднялись.

Сосновский улыбнулся, млея от осознания того, что Маша впервые назвала его именно Миша, а не Михаил, как раньше. Это говорило о многом.

— Это чудо, что мы с тобой увиделись, встретились, — сказал он и взял девушку за руку. — Немыслимое чудо на войне.

— Я рада, что ты живой, Миша, — тихо сказала Селиверстова. — Где ты, как? Хотя, глупая, о чем я спрашиваю! Мне не положено знать о вашей секретной работе. Скажи хотя бы, сегодня ты еще в Москве?

— Да, а ты?

— Я до двадцати двух ноль-ноль свободна, — блеснула Маша глазами.

Они стояли и смотрели друг на друга. И все чувства, что появились тогда, во время совместной работы под Новороссийском, снова всколыхнулись в душе. Но тут в романтику ситуации вмешалась проза военной жизни. К ним подошел военный патруль и проверил документы. Михаил взял Машу за руку и повел ее на бульвар, продолжая расспрашивать. Но через два квартала их снова остановил гарнизонный патруль.

— Миша, нам так и не дадут поговорить, — улыбнулась девушка. — Я, конечно, могла бы пригласить тебя к нам в общежитие, но...

— Но лучше не стоит, — продолжил ее мысль Сосновский. — Там нам тоже не дадут пообщаться. Есть встречное предложение: пойдем ко мне. Здесь недалеко моя квартира. Ну, не моя, конечно, квартира, которую я снимаю. В ней немножко неубрано, потому что времени заниматься хозяйством, как ты понимаешь, нет совсем. Но я обещаю, что там не будет патрулей!

Ожидаемого бардака в квартире Сосновского Маша не увидела. Там почти не было мебели: диван с высокой спинкой, покрытый коричневым шерстяным одеялом, старый круглый стол в центре комнаты, один стул и одна табуретка. На

гвозде у двери висели брезентовая плащ-палатка и офицерский планшет. Окно, по обыкновению того времени, было закрыто старыми газетами.

Выгрузив на стол продукты, купленные по дороге, Сосновский хитро подмигнул, подошел к дивану и вытащил из-за его спинки бутылку грузинского вина. Они сидели и разговаривали, вспоминали, чокались, звонко ударяя гранеными стаканами. Помидоры, вареная картошка и маленький кусочек сала — не самая лучшая закуска для хорошего вина. Но Сосновскому было чем гордиться. Из планшета он извлек заветную плитку шоколада, которую неизвестно для чего берег почти месяц. Может, чувствовал, что будет вот такая встреча и шоколад окажется весьма кстати.

Приятное тепло разошлось по телу. Михаил видел глаза девушки, и весь мир казался ему таким далеким и нереальным. «Что со мной? Уж не влюбился ли я? Эй, разведчик, возьми себя в руки». Все эти мысли плавно текли в его голове, как поток теплого летнего воздуха. И не хотелось спешить, не хотелось вспоминать о войне. Вот просто так посидеть, всего несколько часов, как когда-то в 37-м, во время отпуска, последнего своего отпуска, когда он с девушкой катался на лодке по озеру и весь мир казался ему далеким.